
ПЕРЕВОДЫ

УДК: 82-43+394

DOI:10.31249/hoc/2025.02.11

*Старостина А.Б.**

ЧЖАН ДАЙ. ТАО-АНЬ МЭН И. ФРАГМЕНТЫ О СНЕГЕ[©]

Аннотация: Публикация представляет собой аннотированный перевод пяти эссе сборника литератора, путешественника, историка и мецената Чжан Дая (1597–1689) *Тао-ань мэн и* («Тао-ань вспоминает во сне»). Четыре из них переводятся на русский язык впервые. Эссе посвящены опыту переживания повседневности в конце периода Мин.

Ключевые слова: Чжан Дай; травелог; чайная культура; эпоха Мин; история повседневности.

Получена: 27.02.2025

Принята к печати: 02.04.2025

Для цитирования: Старостина А.Б. Чжан Дай. Тао-ань мэн и. Фрагменты о снеге // Вестник культурологии. – 2025. – № 2(113). – С. 191–198. – DOI: 10.31249/hoc/2025.02.11

**Старостина Аглая Борисовна* – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; abstarostina@gmail.com

Starostina Aglaia Borisovna – PhD in Philosophy, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; abstarostina@gmail.com

[©] Старостина А.Б., 2025

Starostina A.B.

Zhang Dai. Tao'an Meng Yi. Fragments on Snow

Abstract. This publication contains an annotated translation of five essays from the collection *Tao'an Meng Yi* ("Dream Memories of Tao'an") by the writer, traveller, historian and patron of the arts Zhang Dai (1597–1689). Four of these essays have been translated into Russian for the first time. The essays are devoted to the experience of everyday life at the end of the Ming period.

Keywords: Zhang Dai; travelogues; tea culture; Ming dynasty; history of everyday life.

Received: 27.02.2025

Accepted: 02.04.2025

For quoting: Starostina A.B. Zhang Dai. *Tao'an Meng Yi*. Fragments on Snow // Herald of Culturology. – 2025. – No.2(113). – P. 191–198. – DOI:10.31249/hoc/2025.02.11

В написанном около 1665 г. сборнике *Тао-ань мэн и* («Тао-ань вспоминает во сне»)¹ Чжан Дай (1597–1689, псевдоним Тао-ань), путешественник и бывший меценат, рассказывает о своем опыте повседневной жизни в Китае до маньчжурского завоевания. Многие реалии, типичные для эпохи Мин (1368–1644), уже при жизни Чжан Дая исчезли или неузнаваемо изменились, что делает его книгу неоценимым источником для историков повседневности.

В настоящую подборку включены пять эссе из сборника, в состав названия которых входит иероглиф «снег» (*сюэ*). Ранее в нашем переводе уже вышли введение к этой книге и два эссе из нее («Квадратная хурма из монастыря Луюань» и «Сучжоуский белый заяц») [Старостина, 2012]. Подборка «снежных фрагментов» была собрана тогда же как продолжение к публикации 2012 г., но подготовить ее к печати удалось только сейчас.

Собственно о снеге здесь идет речь только в двух фрагментах «Как я смотрел на снег в Беседке на середине озера» и «Снег на горах Луншань». Они посвящены любованию снегом на воде и в горах, оба раза – в компании с другими ценителями.

В остальных трех эссе слово «снег» обозначает белизну – чайного отвара, шерсти и копыт мула или цветов пиона.

В отрывке «Чай “орхидейный снег”» рассказывается история ребрендинга чая – сначала самим Чжан Даем, который, добавив цветов жасмина в «снежные ростки», назвал эту смесь «орхидейным снегом», а затем торговцами, которые воспользовались изобретенным им красивым названием, чтобы обозначить с его помощью совсем другой сорт, не имевший отношения даже к «снежным росткам». «Снежный дух» повествует о темпераментном муле с незаурядной судьбой, моча которого (предположительно) имела целебные свойства. «Снег глубиной в чи» – формально характеристика сорта пиона, которая, однако, переходит в воспоминания об изобилии всяческих пионов в шаньдунском городе, где Чжан Дай когда-то бывал.

Перевод выполнен по изданию: Чжан Дай. Тао-ань мэн и (Тао-ань вспоминает во сне). Бэйпин: Пушэ, 1927.

Из 3 цзюаня («свитка»)

Чай «орхидейный снег»

Жичжу² – это место, где юэский князь ковал мечи³. Привкус у чая холодный, будто от металла и камня. Оуян Юншу⁴ сказал: «Из чаев двух Чжэ⁵ первейший – чай Жичжу»⁶. Ван Гуйлин⁷ сказал: «Счастливая трава⁸ в горах Луншань и снежные ростки в горах Жичжу⁹»¹⁰. Отсюда слава Жичжу и пошла. Столичные торговцы чаем, как начинался чайный сезон, приезжали сюда, но не думали специально о «снежных ростках». Заваривали их как обычный столичный чай, не пытаясь применять специальные способы.

Мой третий дядя Э знал рецепт заваривания чая «сосновый мох»¹¹. Сначала он попробовал так же заварить «счастливую траву». Попробовал: крепкий аромат бил в нос. Я же сказал: «Право, счастливая трава – хорошая. Но ханьский У-ди пил с блюда росу¹², и не исполнила она его желаний многих. А чай на Жичжу растет полянами. “И тощий бык свинью раздавит”¹³».

Тогда я пригласил людей из Шэ¹⁴ на гору Жичжу. Они срывали чай, ощипывали, мяли, рассыпали, веяли, сушили, пекли и хранили так же точно, как «сосновый мох». Его заваривали водой из разных источников, но аромат не шел. Вскипятили воду из родника Сицюань и налили ее в ковшик – запах стал слишком насыщенным.

Я подмешал цветов жасмина в чай, отмерив с тщанием. Затем поставил остудить в глазированной плошке с широким горлом. Заварил

бурлящим кипятком, и чай приобрел цвет только что снятой с бамбукового ствола кожицы, зеленой и розоватой в то же время, – оттенок первого рассвета, видимого в оконце домика в горах, когда первые лучи светят через бумагу. Чтоб белое соединить с зеленым, чай перелил в простой фарфор прозрачный. Поистине он лился, как в кипучей пене сотня стеблей диких орхидей. Теперь снежные ростки нашли свой цвет, но только вот не запах. Я в шутку назвал напиток этот «орхидейным снегом».

Через четыре или пять лет чай «орхидейный снег» повсюду знали, им повсюду торговали. Знатоки из Юэ бросили пить «сосновый мох» и взялись за «орхидейный снег». А были и такие, что пили и «орхидейный снег», и смесь его с «сосновым мхом». «Сосновый мох» известность потерял, цена его упала. Он уступил «орхидейному снегу», мирским обычаям последовав. Ну а сегодня в Хуэйчжоу и в уезде Шэ «орхидейным снегом» называют и «сосновый мох». Меняют этикетки у того, что раньше было «сосновым мхом». И это тоже странно.

Как я смотрел на снег в Беседке на середине озера¹⁵

В двенадцатом месяце пятого года правления Чунчжэнь¹⁶ я отправился на озеро Сиху. Три дня валил снег, и на озере не было уже слышно ни людских, ни птичьих голосов.

Когда настали сумерки, я взял лодочку, в какой гребут шестом, и в кожаной накидке, подбитой мехом, с жаровней один¹⁷ поплыл к Беседке на середине озера – смотреть на снег. Туман и дымка млечно расстилались. Небо с облаками, горами, водой – все сверху донизу белело. В озере отражались лишь линия дамбы, точка – беседка, палочка – моя лодка, два-три пятна – люди в лодке, и все.

Приплыл к беседке. Там двое, коврик расстелив, уселись друг напротив друга, а мальчик-слуга вино подогревал. Оно уже кипело на жаровне. Увидев меня, они обрадовались очень и сказали: «Ну надо же, на озере еще нашелся кто-то!» Стали усаживать меня и угощать вином. Я через силу выпил с ними три чарки и простился. Спросил, как их зовут; узнал, что люди из Нанкина, здесь проездом. Вернулся в лодку, слышу – лодочник ворчит: «И хозяин чудак, и эти, верно, не лучше»¹⁸.

Из 4 цзюаня

Снежный дух

Когда мой дед с материнской стороны господин Тао Ланьфэн служил помощником окружного правителя в Шоучжоу¹⁹, ему достался мул, весь белый, и с белыми копытами. В день он проходил две сотни ли²⁰. Дед поставил его в казенных стойлах.

Люди в Шоучжоу от болезни, когда глотку царапает и кашель досаждает, лечились часто, у мула этого набрав мочи. Запросов на мочу белого мула бывало по дюжине листов. Ее мешали с отваром корня астры²¹, а потом мой дед сзывал народ, и просителям раздавали то, что получилось.

Когда срок службы деда вышел, он оставил место, а потом почил. А сын его, мой дядя Сэсюань, отдал мне мула.

И у меня он жил лет десять с лишним, но, по правде, ни дня не ел он сена из кормушки. То днем, то ночью слышно было, как уходил он на поиски еды, и никогда его не видели голодным. Но что и где он ел, загадкой оставалось. На рассвете он всегда подходил к воротам и ждал почтительно. Входил в конюшню, ожидая конюха. Если на нем не выезжали до обеда, он, как обычно, ходил искать еды. Постепенно нрав у мула испортился, и он не позволял себя седлать. Но уж меня завидев, сразу послушно вставал и стоял как вкопанный. Лишь сяду в седло – летит стрелой. А если кто другой – ревет, лягается, кусается, и что ни делай, как ни бей его, – не слушает.

Однажды он шел по городской стене и не захотел дорогу уступить какой-то лошади без седока. Вдруг оступился, свалился в ров и умер. Я велел похоронить его, сказав: пусть он посмертно зовется «Снежный дух».

Из 6 цзюаня

Снег глубиной в чи

«Снег глубиной в чи»²² – название особого пиона, я видел такие в Яньчжоу²³. Бутоны чисто белые, без почек и чашелистиков, без розовой сердцевины, без красных или фиолетовых отметин. Гладкие, будто бараний жир застывший, нежные, как журавлиное перо, лепестки сплетены теремом, из них виднеются тычинки. Богатая, ровная, насыщенная белизна снега. Весь куст размером всего в три чи, ствол

маленький, слабый, не может нести пышный цветок размером с лотос. Поэтому его подвязывают к подставочке, чтобы не упал. К югу от Великой реки²⁴ знают это имя, но там он не растет, а где его росток найдется, там не будет годной почвы. Нелегко его увидеть где-то, кроме Яньчжоу.

Ну а в Яньчжоу пионы повсеместно выращивают, будто бы овес или ячмень. Во множестве, целыми полями. Когда цветут пионы, зовут гостей. Пионы всюду. Их выставляют под навесами по сторонам дороги, украшают ими двери. Их вешают на стены, прикрепляют к ширмам; они и на дверных завесах вьются, к циновкам припилены, ступени покрывают. В день уходят тысячи цветов, но никто и не пожалеет.

Когда я однажды был в Яньчжоу, друзья срезали сотнями цветы и присылали мне. Они лежали грудami везде и в беспорядке. Но, право, мне девать их было некуда.

Из 7 цзюаня

Снег на горе Луншань²⁵

В двенадцатом месяце шестого года правления под девизом Тянь-ци²⁶ выпал большой снег глубиной примерно в три чи с небольшим. К вечеру прояснилось, и я поднялся на Луншань. Устроился у главных ворот кумирни бога города. Спутниками мне были Ли Цзе, Гао Мэй, Ван Вань, Ма Сяоцин и Пань Сяофэй²⁷. Горная гряда покрылась снегом, озаренным луной. Где лучи луны не доставали, все освещалось снежной белизной.

На воздухе мы долго оставались и слегка замерзли. Слуга принес вина. Я с трудом поднял тяжелый кубок, чтобы спастись от стужи. От вина шел мягкий аромат, мешаясь со снежной свежестью. Я пил, но не пьянел. Ма Сяоцин запела, а Ли Цзе вторил ей игрой на флейте. Холод не давал звукам разнестись, напевы застревали в горле.

Пробило третью стражу, и настало время идти ложиться спать. Ма Сяоцин и Пань Сяофэй, обнявшись, скатились с дорожки Ста шагов к самому подножию горы и встали из сугроба все в снегу. Я же сел в одноколенную тележку и, стряхивая с одежды льдинки, отправился домой.

Примечания

¹ О.Л. Фишман (1919–1986) переводила это название как «Воспоминания о грезах Тао-аня» [Фишман, 1987, с. 482].

² Жичжу – гора в современном уезде Шаосин провинции Чжэцзян.

³ Имеется в виду Гоуцзянь – правитель государства Юэ (располагалось на территории современного Чжэцзяна) в первой половине V в. до н.э. Был известен, в частности, любовью к холодному оружию.

⁴ То есть знаменитый литератор и историк Оуян Сю (1007–1072).

⁵ Два Чжэ (Лянчжэ) – при Северной Сун, когда писал Оуян Сю, провинция (лу), включавшая всю территорию нынешнего Чжэцзяна и часть Цзянсу.

⁶ Переиначенная цитата из 1 цзюаня «Записей вернувшегося к полям» («Гуй тянь лу») Оуян Сю.

⁷ То есть Ван Шипэн (1112–1171), литератор, политический деятель.

⁸ «Счастливая трава» (*жуй цао*) – сорт популярного некогда чжэцзянского чая, который постепенно перестали выращивать в XVIII–XIX вв. Луншань – здесь Волуншань, также Фушань – гора в современном уезде Шаосин провинции Чжэцзян, в 20 с лишним км от упомянутой выше горы Жичжу.

⁹ «Снежные ростки», «снежные почки» (*сюя я*) – сорт чжэцзянского чая.

¹⁰ Переиначенная цитата из «Оды нравам и обычаям Гуйцзи» (*Гуйцзи фэнсу фу*) Ван Шипэна.

¹¹ «Сосновый мох» (*сун ло*) – сорт аньхуэйского чая.

¹² Считается, что ханьский император У-ди (на троне с 141 по 87 г. до н.э.) в числе прочих средств для продления жизни принимал воду, конденсировавшуюся на поверхности металлического блюда.

¹³ Цитата из хроники *Цзо чжуань* (13 год Чжао-гуна). Чжан Дай хочет сказать, что чая на горе Жичжу очень много, и на нем можно заработать больше, чем на «счастливой траве», пусть она, возможно, и выше сортом.

¹⁴ Шэ – уезд на территории нынешней провинции Аньхуэй.

¹⁵ Беседка на середине озера (*Ху синь тин*) – павильон на острове на озере Сиху на территории г. Ханчжоу.

¹⁶ То есть в начале 1633 г.

¹⁷ В дальнейшем становится ясно, что в лодке был также лодочник (а возможно, и слуга).

¹⁸ Перевод этого эссе, выполненный О.Л. Фишман, включен в ее очерк [Фишман, 1987].

¹⁹ Шоучжоу – округ на территории нынешней провинции Аньхуэй.

²⁰ 1 ли – около 570 м.

²¹ Корень астры обладает отхаркивающим действием.

²² 1 чи – около 32 см.

²³ Яньчжоу – округ, располагавшийся на юго-западе нынешнего Шаньдуна.

²⁴ То есть Янцзы.

²⁵ Луншань – см. примечание к фрагменту «Чай “Орхидейный снег”».

²⁶ То есть в начале 1627 г.

²⁷ Актеры домашней труппы Чжан Дая (стоит заметить, что в кумирне бога города на Луншань была театральная сцена). Ма Сяоцин и Пань Сяофэй – женщины.

Список литературы

Старостина А.Б. Чжан Дай. Тао-ань вспоминает во сне // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2012. – Т. 1, № 3. – С. 189–193.

Фишман О.Л. Философская мысль и бессюжетная проза: [Китайская литература XVII в.] // История всемирной литературы : в 8 т. – Москва : Наука, 1983–1994. – Т. 4, 1987. – С. 478–483.

References

Starostina, A.B. Chzhan Daj. Tao-an' vspominaet vo sne [Zhang Dai. Tao-an Remembers in a Dream]. In *Chelovek i kul'tura Vostoka. Issledovaniya i perevody* [Man and Culture of the East. Research and Translations], no. 3, T. 1, 2012, pp. 189–193. (In Russ.)

Fishman, O.L. Filosofskaya mysl' i bessyuzhetnaya proza: [Kitajskaya literatura XVII v.] [Philosophical thought and plotless prose: [Chinese Literature of the 17th Century]]. In *Istoriya vseмирnoj literatury: v 8 t.* [History of World Literature: In 8 Vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1983–1994. T. 4, 1987, pp. 478–483. (In Russ.)